

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.2>

UDC 930.26 (470+571)
LBC 63.48(2)

Submitted: 18.05.2024
Accepted: 01.07.2024

ARMAMENT OF THE MAEOTIAN HORSEMEN OF THE 4th CENTURY BC (BASED ON MATERIALS FROM THE PRIKUBANSKY BURIAL GROUND) ¹

Natalia Yu. Limberis

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Ivan I. Marchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The horsemen, whose graves were discovered in the Prikubansky burial ground, represented the elite of the Maeotian army. Weapons were found in 28 burials. The main types of weapons were iron swords, spearheads, and arrowheads. Swords of the Sindo-Maeotian type were found in 26 burials, and in four burials there were two swords of different lengths. The swords differ in the blade width, the design of the transition space between the guard and the blade, and the shape of the bar-shaped pommel. Spearheads could be found in all the burials. Typically, a set consisted of 4–6 both heavy and light spearheads of various types. One dart tip was found among the spear tips in the three sets. Arrowheads were discovered in twenty burials. Sets of arrows consisted of various numbers of pieces, from a few to several dozens. Mostly, iron three-blade arrowheads were used (415 specimens), bronze (three-blade and triangular) were practically out of use (25 specimens), and bone bullet-shaped ones were represented by isolated finds. The arrows were placed in quivers, which were placed next to or under the sword. In the burials with two swords, there were two quivers. Specific types of weapons are long combat knives (30–42 cm) with bone handles found in seven burials. A set of combat knives could consist of 2–4 pieces. On the grounds of the position in the burial, it can be assumed that the knives were located in a special compartment of the quiver, in a case on the sheath of the sword, or in special wooden sheaths. The equipment of the horsemen included iron axes in the two burials. The dating of the equestrian assemblages is based on a narrow chronology of Greek amphorae from different centers of production, which are present in each burial. The high percentage of horseman complexes among the military burials of the Prikubansky necropolis is probably connected with the location of this group of the Maeotian population near the eastern border of the Asian Bosphorus.

Key words: Kuban region, Maeotians, burial ground, horsemen's burials, swords, spearheads, dartheads, arrowheads, combat knives, axes.

Citation. Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2024. Vooruzhenie meotskih vsadnikov IV v. do n. e. (po materialam Prikubanskogo mogil'nika) [Armament of the Maeotian Horsemen of the 4th Century BC (Based on Materials from the Prikubansky Burial Ground)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 3, pp. 21–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.2>

УДК 930.26 (470+571)
ББК 63.48(2)

Дата поступления статьи: 18.05.2024
Дата принятия статьи: 01.07.2024

ВООРУЖЕНИЕ МЕОТСКИХ ВСАДНИКОВ IV в. до н.э. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИКУБАНСКОГО МОГИЛЬНИКА) ¹

Наталья Юрьевна Лимберис

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Иван Иванович Марченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Всадники, погребения которых исследованы в Прикубанском могильнике, представляли собой элиту меотского войска. В 28 погребениях было найдено оружие. Основными видами вооружения

были железные мечи, наконечники копий и наконечники стрел. Мечи синдо-меотского типа встречены в 26 погребениях, причем в четырех погребениях – по два меча разной длины. Мечи различаются по ширине клинка, оформлению перехода от клинка к основанию рукояти и форме брусковидного навершия. Наконечники копий сопровождали все погребения. Средний комплект состоял из 4–6 наконечников копий разных типов, как тяжелых, так и легких. В трех наборах среди наконечников копий находилось по одному наконечнику дротика. Наконечники стрел присутствовали в 20 погребениях. Наборы стрел включали от нескольких штук до нескольких десятков экземпляров. В основном использовались железные трехлопастные наконечники стрел (415 экз.), бронзовые (трехлопастные и трехгранные) практически вышли из употребления (25 экз.), а костяные пулевидные представлены единичными находками. Стрелы помещались в колчанах, которые укладывались рядом с мечом или под ним. В погребениях с двумя мечами было по два колчана. Специфический вид вооружения представляют собой длинные боевые ножи (30–42 см) с костяными рукоятями, встреченные в семи погребениях. Комплект боевых ножей мог состоять из 2–4 экземпляров. Судя по положению в погребении, ножи располагались в особом отделении колчана, в футляре на ножнах меча или в специальных деревянных ножнах. В двух погребениях в комплект вооружения всадников входили железные топоры. Датировки всаднических комплексов опираются на узкую хронологию греческих амфор разных центров производства, которые присутствуют в каждом погребении. Высокий процент всаднических комплексов среди воинских погребений Прикубанского некрополя, возможно, связан с расположением этой группы меотского населения у восточной окраины Азиатского Боспора.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, грунтовый могильник, погребения всадников, мечи, наконечники копий, наконечники дротиков, наконечники стрел, боевые ножи, топоры.

Цитирование. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2024. Вооружение меотских всадников IV в. до н.э. (по материалам Прикубанского могильника) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 3. С. 21–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.2>

В IV в. до н.э. на меотских некрополях правобережья Кубани резко возрастает численность погребений всадников. Особенно наглядно свидетельствуют об этом материалы из Прикубанского могильника, который находится в Красноармейском районе у хут. Прикубанский и был исследован Краснодарской археологической экспедицией КубГУ в 1998–2001 годах. Здесь было раскопано более 30 погребений всадников: в основном это мужчины в возрасте от 20 до 50 лет, хотя три скелета были определены с большой долей вероятности как женские [Лимберис, Марченко, 2016, с. 245–246]. Целые туши взнузданных лошадей укладывали слева или справа от погребенного. В большинстве случаев всадника сопровождала одна лошадь, но в погребениях 209 и 405 их было по две. Есть и погребения без лошади, но с предметами конской упряжи (88, 167, 171, 202)².

Многочисленный и разнообразный инвентарь погребений нередко включал дорогую для меотов чернолаковую посуду [Лимберис, Марченко, 2010] и нарядную бронзовую конскую упряжь в зверином стиле [Лимберис, Марченко, 2018a]. Во все погребения всадников ставились амфоры с вином, в основном по две. В погребениях 138, 159, 224 встречено по три

амфоры, в погребениях 171, 195, 324, 328 – по одной. Хронологический анализ амфорной тары позволил узко датировать комплексы, преимущественно в пределах четверти IV в. до н.э. и даже менее [Монахов и др., 2021, прил. 5] (табл. 1). Неудивительно, что эти богатые захоронения часто подвергались полному или частичному ограблению в древности. Особый интерес для изучения всадничества у меотов представляют захоронения с собаками (всего их 10), которые подчеркивали высокий социальный статус погребенных [Лимберис, Марченко, 2021].

Оружие было найдено в 28 всаднических погребениях.

Мечи (рис. 1) встречены в 26 погребениях (не было их только в ограбленных в древности погребениях 324 и 402). Как правило, лежали они слева от скелета, вдоль руки или вдоль руки и ноги, острием к стопам. Расположение меча острием к голове отмечено только в погребении 235. В ряде случаев мечи также находились слева, но в других местах: на руке, наискосок (171, 202); наискосок у бедра, рукоять на тазе (78); вдоль ноги, которая изначально была согнута в колене, а затем перекрывала меч (88); на ноге, слегка наискосок, рукоять на колене (352); в ногах, ниже стоп

(167, 265). Иногда мечи укладывали между ног погребенного, наискосок (103, 172), причем в первом случае ноги погребенного были скрещены в голених. Положение меча справа от погребенного зафиксировано лишь в погребении 195 – вдоль руки, с внутренней стороны, рукоять – выше плеча. В комплексах 224, 328, 405, 427 воинов-всадников сопровождали по 2 меча, также лежавших слева: один – у руки, второй – у ноги, вдоль или наискосок.

Типология мечей из Прикубанского могильника, изложенная в небольшой работе [Лимберис, Марченко, 2018б, с. 253–255], в настоящее время нас не совсем удовлетворяет, поэтому мы не станем к ней обращаться вплоть до уточнения и полной доработки. Сейчас же ограничимся кратким описанием основных признаков и некоторых особенностей этого вида оружия. Все мечи синдо-меотского типа, то есть без перекрестия, с брусковидным навершием, длинные (от 52 до 88 см), с узким или широким клинком. В тех погребениях, где было по два меча, один всегда длиннее другого. Основание клинка у рукояти («плечики») оформлялось по-разному: края срезались под прямым или тупым углом или же плавно переходили в рукоять. Как рудименты металлического перекрестия можно рассматривать слабовыраженные выступы на «плечиках» клинка, отмеченные на узких мечах из погребения 8 кургана 3 и грунтового погребения 159. Можно также предположить, что эти выступы служили для накладного деревянного перекрестия, следы которого не сохранились. Клинок одного из мечей из погребения 224 у основания рукояти украшен узкой серповидной накладкой, развернутой концами вниз, но не выступающей за края клинка. Она не могла выполнять защитных функций перекрестия, а лишь являлась его имитацией.

Среди наверший преобладают узкие брусковидные прямоугольного или округлого сечения, в основном прямые, но встречаются также несколько выгнутые или вогнутые сверху, а также угловатые навершия со слабо выступающими краями. Обычно отрезки бруска наваривались на конец рукояти. Опять же, выделяется меч из погребения 224, узкое железное навершие которого, обтянутое тонкой бронзовой пластиной, насажено на штырь

рукояти, причем сам штырь выступает наружу. По этой же технологии были изготовлены навершия двух мечей из меотского кургана IV в. до н.э. у пос. Водный [Лимберис и др., 2020, с. 154, рис. 7,4,5].

Другой, менее распространенный вариант наверший – округлые или овальные в плане, с выступающими краями. Третий вариант – цельнокованные навершия, представляющие собой трапециевидно раскованный конец рукояти.

Следы каких-либо накладок на рукояти мечей, кроме деревянных, не выявлены, но у меча из погребения 352 на рукояти с цельнокованным навершием имеются три расположенных по длине отверстия с заклепками, которые предназначались для их крепления. Специально отметим особенность меча из погребения 39, рукоять которого расположена под небольшим углом к клинку.

О наличии деревянных ножен можно судить по тлену, сохранившемуся на некоторых клинках. Меч же из погребения 88 находился в деревянных ножнах, обложенных тонким листом металла, о чем свидетельствует древесный тлен, прослеженный под железной обивкой. В нижней части клинка меча из погребения 405 имеется маленькое сквозное отверстие, в которое вставлен тонкий железный штырь. О функциональном назначении этого штыря судить сложно. Предположительно, штырь мог использоваться для крепления меча в деревянных ножнах большого размера, чтобы он не болтался при ходьбе и, что особенно важно, при верховой езде.

Наконечниками копий сопровождалась все погребения всадников (всего 138 экз.), причем копия никогда не укладывались в погребение по одному. Минимальное количество наконечников встречено в погребениях 39, 103, 195 (не считая дротика) – по 2 шт., а в 33, 171, 296 – по 3 шт. В погребениях 209 и 235 было найдено по 8–9 шт., а максимальный набор из погребения 405 включал 10 наконечников копий (рис. 4,4–13). В подавляющем же большинстве погребений (всего 20) присутствовал средний комплект наконечников копий, состоящий из 4–6 шт. (рис. 3,5,6,10–12). Как правило, копия укладывались справа, острием к голове погребенного. Обычно наконечники лежали «пучком» у правой плечевой кости,

вплотную к ней, или немного выше плечевого сустава. Встречаются и случаи положения копий слева. В погребении 195 наконечники копий (и дротика) находились выше левого плечевого сустава (при этом меч лежал справа). В погребениях 159 и 296 наконечники располагались на некотором расстоянии от левой плечевой кости, причем между рукой и копьями лежал меч. В погребениях 129 и 427 основные комплекты из 4 наконечников копий и одного дротика также находились у правого плеча. Однако еще по одному наконечнику копий лежало слева: в погребении 129 – на месте отсутствовавшей рукояти меча, как бы замещая ее (втулка находилась под мечом), а в погребении 427 – на краю большой миски, подставленной под череп и плечи погребенного.

Необычно выглядит расположение 3 наконечников копий в погребении 171. Все они находились в разных местах: один – справа от миски, стоявшей под черепом, втулкой к ногам погребенного, второй – также справа, вплотную к черепу (втулкой в миске), острием к ногам, третий – на левой стопе погребенного, втулкой к голове. В частично ограбленном в древности погребении 103 два фрагментированных наконечника копий также находились слева, на значительном расстоянии от левой плечевой кости. Похоже, что они были отброшены грабителями, так как череп и правая часть скелета были разрушены.

Наконечники копий из Прикубанского могильника (наряду с материалами из других памятников правобережья Кубани) были использованы нами для разработки типологии и хронологии этого обязательного для меотских воинов вида вооружения. Возможно, наша классификация излишне подробна, однако она работает, и немногочисленные пробелы в типологической таблице постепенно заполняются. По основным признакам выделены **отделы** по форме пера (I – ланцетовидные; II – листовидные; III – треугольные и ромбовидные), которые делятся на **типы** по оформлению перехода от втулки к перу и основанию пера (I – тип 1; II – типы 1–5; III – типы 1–5). По сечению пера определены **подтипы** (I – плоское; II – линзовидное; III – ромбовидное; IV – с ребром жесткости), а по длине втулки – **варианты** (1 – короткая; 2 – длинная).

Хронология же опирается на узко датирующиеся комплексы [Лимберис, Марченко, 2006, с. 152, рис. 1, 2], и в настоящее время может быть скорректирована в связи с уточнением датировок амфорной тары.

Наконечники отдела I малочисленны: найдено 6 экз. в пяти погребениях (129, 171, 195, 209, 274), где они сочетаются с листовидными (отдел II) и треугольными (отдел III).

Наиболее распространенными были наконечники отдела II (77 экз.), которые найдены во всех погребениях, а некоторые наборы состоят только из листовидных наконечников разных типов, подтипов и вариантов (10 комплексов). Наконечники отдела III присутствуют в наборах намного реже (20 экз. из 15 комплексов). В погребении 39 был найден наконечник с треугольным пером линзовидного сечения, высокими срезами пера и длинной втулкой (III, 4, II, 2), особенностью которого является бронзовое кольцо, охватывающее основание втулки.

Из четырех выделяемых нами по сечению пера подтипов самыми редкими являются наконечники с ребром жесткости (подтип IV): 4 экз. листовидной формы (3/8, 33, 88, 209) и 1 ланцетовидный (209).

Размерный ряд наконечников копий позволяет выделить среди них легкие и тяжелые разновидности (в своей классификации 2006 г. мы этого не учитывали). Легкими мы предлагаем считать наконечники до 30 см длиной (в среднем – 23–28 см), которые могли использоваться как метательное оружие. Тяжелые копья (более 30 см) применялись в ближнем бою, длина наиболее крупных экземпляров могла достигать 47–53 см (такие наконечники встречены в погребениях 78, 224, 236, 324). В большинстве комплектов легкие и тяжелые наконечники сочетались. Однако в некоторых погребениях присутствовали только тяжелые наконечники (33, 39, 171, 172, 296, 402, 405).

Подтоки в виде цилиндрической втулки, немного сужающейся к основанию, были найдены в погребениях 39 (целый, длина – 6,6 см, верхний диаметр – 2,7 см) и 138 (сохранившаяся длина – 6 см, диаметр – 2 см). По форме они повторяют «цилиндроконические» подтоки, встречающиеся в скифских памятниках [Мелюкова, 1964, с. 45, табл. 14, 11, 14]. Положе-

ние подтоков, находившихся на расстоянии 1,4 м и 1,35 м от втулок наконечников копий, позволяет восстановить общую длину копья, которая, учитывая размеры наконечников, составляла около 2 метров.

Наконечники дротиков, найденные в трех погребениях, лежали вместе с наконечниками копий, по одному экземпляру в общем комплекте: 129 (4 копья + дротик), 195 (2 копья + дротик), 427 (4 копья + дротик). Наконечник дротика, в отличие от наконечника копья, имеет трехчастную структуру: короткая расширенная втулка переходит в длинный, тонкий, круглого сечения стержень, оканчивающийся маленьким пером. По форме пера нами были выделены типы этого редкого для IV в. до н.э. вида метательного оружия [Лимберис, Марченко, 2012, с. 411–413, рис. 1]. В погребении 427 найден наконечник с узким листовидным пером (тип II) длиной 34,8 см (рис. 2,17). Два других наконечника дротиков имеют маленькое треугольное перо с короткими опущенными жальцами (подтип IIIa). Наконечник из погребения 129 – целый, длиной 41,6 см (рис. 2,16), от второго, из погребения 195, сохранились только втулка со стержнем длиной 29,9 см, так как перо разрушилось (рис. 2,18). Ранее IV в. до н.э. дротики у меотов пока не зафиксированы. Листовидные наконечники дротиков, возможно, произошли от легких метательных копий и могли быть разработаны меотами самостоятельно. Жаловидные наконечники похожи на скифские [Мелюкова, 1964, с. 44, табл. 14,13,15,16], но, в отличие от них, имеют более тонкий стержень, сильнее расширяющийся к втулке.

Наконечники стрел (рис. 2,4–9) присутствуют в 20 комплексах. Количество наконечников стрел в погребениях варьируется от 1 экз. (195) до 79 экз. (209). По одному наконечнику стрелы было найдено в погребениях 195 (железный) и 402 (бронзовый). Маленькие наборы включали от 2 до 10 экз., средние – от 13 до 22 экз., большие – от 31 до 59 экз.

В основном, судя по расположению наконечников стрел *in situ* (в ряд, остриями в одну сторону, как правило, у острия или нижней части клинка меча), стрелы помещались в колчанах, но, возможно, могли лежать и без колчана, если погребение сопровождалось небольшим количеством стрел (1–4 экз.). Кол-

чан укладывался под меч или рядом, независимо от того, где находился меч, даже если в стороне от погребенного, как, например, в погребениях 167 и 265, где мечи располагались в ногах. В погребении 195 единственный железный наконечник лежал у острия меча, как бы обозначая наличие колчана.

В трех погребениях было по два колчана со стрелами. Причем один набор стрел всегда больше второго. В погребении 209 оба колчана связаны с одним мечом. Большой набор включал 58 железных и 1 бронзовый, а средний – 20 железных наконечников стрел. Наконечники большого набора лежали на железных панцирных пластинах у средней части клинка меча справа и слева, остальные – в ряд ниже острия меча.

В двух других погребениях было по два меча, с каждым из которых был связан индивидуальный колчан. Средний набор из 5 бронзовых и 17 железных наконечников стрел, а также маленький из 5 железных сопровождали погребение 224. В погребении 427 большой набор состоял из 46 экз., а маленький – из 7 экз. железных наконечников стрел.

В погребении 405, при наличии двух мечей, колчан был только один и состоял из 6 железных наконечников (рис. 4,2).

В погребении 336 стрелы с железными (7 экз.) и бронзовыми (5 экз.) наконечниками были разложены двумя пучками слева от меча и направлены остриями к его концу: железные наконечники лежали у верхней части клинка, а бронзовые – в 10 см от его нижней части.

В погребении 78 наконечники стрел (3 бронзовых и 1 железный) были разбросаны у острия меча.

В погребении 402, где не было ни меча, ни колчана, единственный бронзовый наконечник стрелы лежал вместе с наконечниками копий. Кроме того, есть случаи, когда наконечники стрел лежали не только около меча, но и в других местах: в 274 – между бедренными костями (2 экз.) и у левой голени (1 экз.), в 296 – вместе с костями животного (1 экз.), у правой голени (1 экз.), у левой голени с обеих сторон (2 экз.).

Подавляющее большинство наконечников стрел (415 экз.) – железные, и встречены они в 19 погребениях (кроме 402). Все они –

втульчатые трехлопастные, представленные (за двумя исключениями) единственным типом, – с треугольной головкой. Головка может быть короткой (около половины общей длины наконечника или меньше) или удлиненной (более половины общей длины). И те и другие наконечники бывают как узкими, так и широкими, то есть довольно сильно расширенными в основании. Широкое основание пера наиболее характерно для наконечников с короткой головкой, тогда как у наконечников с удлиненной головкой перо в основании, как правило, узкое, расширенное встречается редко. Лопасты у основания чаще всего срезались под тупым углом к втулке, реже – под прямым. Не исключено, что у некоторых наконечников основания лопастей были срезаны вверх или закруглялись, но это визуально установить трудно, так как они могли быть и обломаны. Втулки цилиндрические или немного расширяющиеся к основанию. Средняя длина наконечников с короткой головкой составляет 2,3–2,8 см и редко достигает 3 см. Для наконечников с удлиненной головкой характерны более крупные размеры – в среднем от 3,2 см до 3,9 см, а в погребении 296 встречен наконечник длиной 5 см. Однако попадаются и более мелкие – длиной 2,3–2,8 см. К единичным экземплярам относятся два трехлопастных наконечника редких форм. В наборе погребения 39 среди наконечников с маленькими головками присутствовал довольно крупный наконечник длиной 3,9 см с листовидной в плане головкой. В состав одного из колчанов погребения 224 входил наконечник со сводчатой головкой и очень короткой втулкой (общая длина – 2,7 см, длина втулки – 0,5 см).

Бронзовые наконечники использовались намного реже (всего 25 экз.). В 7 погребениях (3/8, 39, 78, 159, 209, 224, 336) они встречаются в колчанах вместе с железными – от 1 до 7 экз. в наборе. Как уже отмечалось, только в погребении 336 бронзовые наконечники стрел (5 экз.) лежали отдельным пучком, а единственный бронзовый наконечник из погребения 402 был положен рядом с наконечниками копий. Все наконечники четко распределяются по отделам, типам и вариантам, выделенным А.И. Мелюковой на материале скифских памятников Северного Причерноморья [Мелюкова, 1964, с. 16, рис. 1], но определенные

хронологические группы для нас в данном случае не имеют принципиального значения, так как подавляющее большинство комплексов с наконечниками стрел (кроме 3/8) узко датируются по найденным в погребениях амфорам.

Наиболее ранним является единственный двухлопастный наконечник (отдел I, тип 2, вар. 1), найденный в погребении 336 вместе с одним трехлопастным (отдел II, тип 6, вар. 4а) и двумя трехгранными (отдел III, тип 7, вар. 1, 7). Трехлопастных наконечников (отдел II) во всаднических колчаных наборах найдено мало (8 экз.), в основном они встречены по одному в каждом наборе (3/8 – тип 3, вар. 3; 78 – тип 4, вар. 10а; 209 – тип 4, вар. 9), и только в погребении 39 их 4 экз. – по два каждого варианта (тип 6, вар. 4, 7).

Трехгранные наконечники (отдел III, всего – 16 экз.), кроме погребения 336, были встречены по одному экземпляру разных типов и вариантов еще в пяти комплексах: 39 (тип 6, вар. 3, вар. 4, тип 9, вар. 2а), 78 (тип 3, вар. 1; тип 7, вар. 3), 159 (тип 1, вар. 2), 402 (тип 7, вар. 6). Но в одном из наборов погребения 224 их было 6 экз. (тип 3, вар. 5 – 3 экз., а также по одному наконечнику типа 5, вар. 3, 5а и типа 7, вар. 7а). Нужно отметить, что в погребениях 159, 224, 402 присутствовали только трехгранные наконечники стрел, а в погребениях 39, 78 и 336 сочетались трехгранные и трехлопастные.

Преобладают бронзовые наконечники со скрытой втулкой, а наконечники с выделенной втулкой очень редки (5 экз.). По одному экземпляру встречены в погребениях 3/8 (трехлопастной), 209 (трехлопастной) и 159 (трехгранный). В погребении 78 наконечников с выделенной втулкой было два: из них один – трехгранный с очень короткой втулкой, второй – трехлопастной, с очень длинной втулкой, более чем в два раза превышающей размеры головки. Трехлопастные наконечники (отдел II) типа 4 с длинной втулкой и небольшой головкой А.И. Мелюкова выделила в редкий вариант 10а, отмечая, что они встречаются на Кубани, Нижнем Дону и в Нижнем Поднепровье [Мелюкова, 1964, с. 29, рис. 1]. Несколько экземпляров аналогичных бронзовых наконечников стрел были найдены в одном из курганов (каком именно – неизвестно), раскопанных Н.И. Веселовским у ст-цы

Елизаветинской в период 1913–1917 годов³. В меотских грунтовых могильниках подобные наконечники стрел нам не встречались.

Костяные пулевидные наконечники стрел с зауженным концом встречены только в двух наборах вместе с железными и бронзовыми (39 – 1 экз., 159 – несколько шт., рассыпались). Один наконечник аналогичного типа присутствует в наборе из 10 костяных наконечников, найденных в Елизаветинском кургане 4 (он же «Южный») 1913 года⁴. Других меотских комплексов, где были бы встречены подобные наконечники стрел, мы не знаем. Костяные наконечники вообще, в том числе и пулевидные, крайне редко использовались не только меотами, но и скифами и савроматами [Мелюкова, 1964, с. 19, 29, табл. 6, 15, 16, 9, P2, 3; Смирнов, 1961, с. 36, 61], однако в Прикубанье отдельные экземпляры встречаются и в сарматское время [Марченко, 1996, с. 61, рис. 16, 40].

Все три вида наконечников стрел (бронзовые, железные и костяные) сочетались только в двух комплексах (39, 159).

Боевые ножи (рис. 2,10–14), найденные в семи погребениях всадников (39, 209, 224, 235, 236, 296, 352), отличаются от обычных ножей большим размером (общая длина клинка с рукоятью у целых экземпляров составляет примерно от 30 см до 42 см). Большой комплект из 4 боевых ножей присутствовал в погребении 244. Кроме того, туда входило и 2 коротких ножа. В погребении 39 и 352 найдено по два боевых ножа, которым сопутствовали обычные короткие ножи. В остальных погребениях боевые ножи встречены по одному экземпляру и не всегда в паре с короткими. О назначении длинных ножей как боевого оружия свидетельствует их положение в погребении: обычно рядом с мечом и наконечниками стрел. В погребении 173 (это не всадник) боевой нож лежал под мечом, возможно, в отдельном футляре на деревянных ножнах меча. В погребениях 235, 296, 352 ножи располагались рядом с мечом, но на расстоянии, в отдельных деревянных ножнах. В погребениях 39, 244 и 236 ножи явно были связаны с колчаном, так как перекрывали наконечники стрел. Это позволяет предположить наличие в колчане специального отделения.

По форме и сечению клинка боевые ножи делятся на два варианта: 1 – однолезвийные с прямым клинком, сужающимся на конце со

стороны спинки; 2 – обоюдоострые, с равномерно сужающимся к концу клинком. Ножи второго варианта встречены только в погребениях 224 (2 экз.) и 296 (1 экз.). Рукоятки ножей обычно оформлялись костяными накладками, которые крепились при помощи 2–4 железных заклепок к длинному черенку. У некоторых ножей, судя по сохранившемуся тлену, накладки рукоятки были деревянными [Лимберис, Марченко, 2018в, с. 221–223].

Топоры входили в комплект оружия двух захоронений. Располагались они слева от погребенного, то есть с той же стороны, где меч и наконечники стрел. В погребении 209 топоров было два. Маленький плоский топор-тесло (рис. 2,3) лежал у острия меча, перекрытый наконечниками стрел. Второй – массивный клиновидный топор (рис. 2,2), располагался напротив голени и был развернут клином к голове погребенного, проушным отверстием сверху, то есть изначально был поставлен вертикально. В погребении 336 большой топор-кирка (рис. 2,1) с довольно широкой и тонкой обушной частью лежал у левого плеча, причем его тонкое клиновидное лезвие находилось под плечевой костью [Лимберис и др., 2020, с. 153].

Таким образом, в подавляющем большинстве погребений основной оружейный комплект всадника состоял из меча, копий и стрел.

Главным видом оружия был меч без перекрестия, с брусковидным навершием так называемого «синдо-меотского» типа [Смирнов, 1980]. Подавляющее количество находок таких мечей происходит из памятников правобережья и левобережья Кубани (то есть с исконно меотской территории). Это убедительно доказывает их местное происхождение и дает основание называть просто «меотскими» [Эрлих, 1991, с. 77]. И.С. Каменецкий же считал название «синдо-меотский» неудачным потому, что синды – это одно из меотских племен [Каменецкий, 2011, с. 266]. Тем не менее этот термин прочно (и, во-видимому, навсегда) укоренился в научной литературе.

В количественном же отношении на первое место в вооружении всадников все-таки выходят копья. Значение этого оружия для военного дела меотов переоценить невозможно, так как речь идет не о 2–3 наконечниках в погребении, а о больших (до 10 экз.) наборах тяжелых пик и легких метательных копий.

В эти наборы крайне редко входили и дротики, которые некоторые исследователи считают специфически меотским оружием, заимствованным боспорскими греками [Нефедкин, 2004, с. 229; Каменецкий, 2011, с. 273]. Однако это предположение никак не подтверждается редкими находками наконечников дротиков в меотских погребениях IV в. до н.э. Материалы из Прикубанского могильника показывают, что в первой половине – середине IV в. до н.э. меоты уже были знакомы с этим видом оружия дальнего боя, но массово его не применяли, отдавая предпочтение металлическим копьям. В Пашковском могильнике 6 наконечники дротиков были встречены в погребениях 102 (с бронзовыми наконечниками стрел), а также в погребениях 83 и 101 с амфорами Книда последней трети – конца IV – начала III в. до н.э. [Анфимов, 1972, с. 81; Улитин, 2004, с. 151, 171, 174]. В Закубанье нам известны две ранние находки дротиков: в основной могиле Курджипского кургана последней четверти IV в. до н.э. [Галанина, 1980, с. 54, 55, 97, кат. № 64] и в ритуальном комплексе кургана 3 (вторая половина IV – начало III в. до н.э.) Тенгинского городища II [Эрлих, 2011, с. 45, 81 рис. 87,11]. Более интенсивно этот вид оружия использовался меотами в III–I в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 413].

Лук и стрелы не были обязательной частью экипировки всадников, но все-таки являлись одним из основных видов оружия дальнего боя, наряду с мечами и наконечниками копий. Бронзовые наконечники скифских типов уже в первой половине IV в. до н.э. были практически полностью вытеснены трехлопастными железными. Всадников не обязательно хоронили с полным колчаном: иногда это был пучок из нескольких стрел или всего одна символическая стрела.

Боевые ножи, кроме Прикубанского могильника, были встречены в погребениях 41в и 242в IV в. до н.э. некрополя Старокорсунского городища № 2 [Лимберис, Марченко, 2007, с. 72, 91, рис. 26,2, 28,3]. Как гипотетический прототип меотских боевых ножей можно рассматривать однолезвийные кинжалы с костяными накладками на рукояти и слегка изогнутым клинком, известные среди древностей иллиро-фракийского круга [Мелюкова, 1979, с. 95, рис. 32,7]. Позднее боевые ножи

появились и у сарматов Прикубанья, которые могли перенять этот вид оружия у меотов, о чем свидетельствует наличие таких ножей в катакомбе II в. до н.э. из Карстового кургана [Марченко, 1996, с. 87, рис. 73].

В боевую экипировку всадников иногда входили и топоры. Являясь универсальным орудием, они могли использоваться и как рабочий инструмент, и как оружие рубяще-ударного типа. Среди синхронных меотских памятников той же локальной группы, что и Прикубанский могильник, топоры известны пока только в четырех комплексах из кургана у пос. Водный [Лимберис и др., 2020, с. 153–154, рис. 7,1–3].

Хронология амфорной тары (табл. 1) показывает, что основное количество всаднических погребений приходится на первую половину IV в. до н.э., некоторые комплексы могут заходить и в начало третьей четверти. Но погребения позднее третьей четверти среди них отсутствуют. Однако это не значит, что их не было на могильнике, который функционировал до начала III в. до н.э., так как памятник раскопан не полностью. По сравнению с другими грунтовыми могильниками правобережья Кубани, в Прикубанском некрополе отмечается наиболее высокий процент всаднических комплексов среди воинских погребений IV в. до н.э. Вероятно, это связано с расположением этой группы меотского населения у восточной окраины Азиатского Боспора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда и Кубанского научного фонда «Меотские всадники Кубани VI в. до н.э. – III в. н.э.» (проект № 24-18-20014).

The study was carried out under the grant of the Russian Science Foundation and the Kuban Science Foundation “Meotian horsemen of Kuban VI c. B.C. – III c. A.D.” (Project No. 24-18-20014).

² Погребения всадников без оружия и захоронения лошадей, где не было скелета человека, мы в настоящей работе не рассматриваем.

³ Наконечники (5 аналогичных экз.) хранятся в Гос. Эрмитаже (Ку 1913–17, 1/96). Благодарим хранителя Елизаветинской коллекции старшего научного сотрудника отдела ОАВЕиС Т.В. Рябкову за предоставленную нам возможность ознакомиться с материалом.

⁴ Хранение Ку 1913, 4/363 Гос. Эрмитажа.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Хронология амфор из погребений всадников Прикубанского могильника

Table 1. Chronology of amphorae from the horsemen's graves of the Prikubansky burial ground

№ погр.	Центр производства и номера амфор по каталогу	Дата
К. 3, п. 8	Гераклея – НР.15, I-A; Синопа – Sn.14, II-A	380-е – 370 гг.
33	Синопа – Sn.16, II-A Икос – Ik.6, группа I	370-е – 350 гг.
39	Менда – Md.37, II-C неустановленный центр пр-ва – Un.4	360–340 гг.
78	Фасос – Th.5, II-B-1 Менда – Md.21, II-C	395–380 гг.
88	Фасос – Th.1, I-B-3 Менда – Md.18, II-C; неустановленный центр пр-ва – Un.3	380-е – 360 гг.
103	Кос – Ks.1, I-A Книд – Kn.14, II-B	350–325 гг.
129	Фасос – Th.37, II-B-2 Менда – Md.64, II-C	375–340 гг.
138	Фасос – Th.28, II-B-2 Менда – Md.31, II-C, Книд – Kn.8, I-A	375–350 гг.
159	Фасос – Th.20, II-B-2; Книд – Kn.2, I-A; Синопа – Sn.17, II-A	360-е – 350 гг.
167	Гераклея – НР.1, тип I; Менда – Md.4, II-B	390-е – 380 гг.
171	Аканф – Ак.3, тип I	375–325 гг.
172	Менда – Md.11, II-B; Md.23, II-C	370-е гг.
195	Неустановленный центр пр-ва – Un.1	400–360 гг.
202	Книд – Kn.6, I-A; Kn.7, I-A	360-е – 350 гг.
209	Менда – Md.22, II-C Синопа – Sn.1, I-A	385–370 гг.
224	Фасос – Th.30, II-B-2 Книд – Kn.4, I-A; Kn.5, I-A	360-е – 350 гг.
235	Гераклея – НР.34, I-A; Менда – Md.39, II-C	360-е гг.
236	Книд – Kn.3, I-A; Синопа – Sn.23, II-A	360-е – 350 гг.
265	Менда – Md.16, II-B; Md.41, II-C	360-е – 350 гг.
274	Неустановленный центр пр-ва – Un.9, Менда – Md.13, II-B	370-е гг.
296	Менда – Md.32, II-C; Синопа – Sn.4, I-A	370-е – 365 гг.
324	Менда – Md.8, II-B	380-е гг.
328	Фасос – Th.13, II-B-2	380-е гг.
336	Менда – Md.43, II-C; неустановленный центр пр-ва – Un.11	375–350 гг.
352	Гераклея – НР.12, тип I Менда – Md.14, II-B	370-е гг.
402	Кос – Ks.2, I-A	375–340 гг.
405	Менда – Md.46, II-C; Md.47, II-C	375–350 гг.
427	Гераклея – НР.39, I-A; Икос – Ik.14, группа II	355–340 гг.

Примечание. Составлено по: [Монахов и др., 2021].

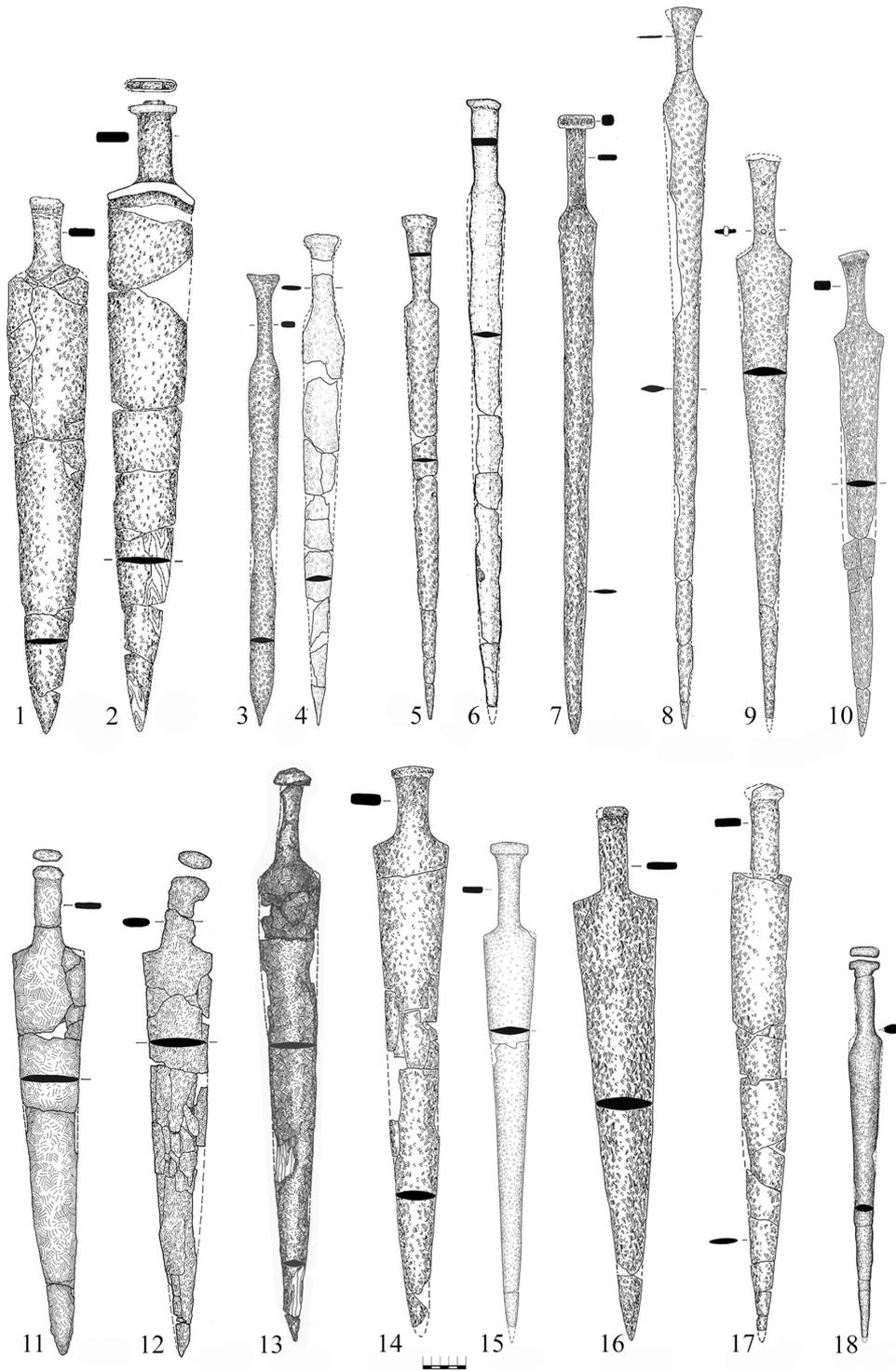

Рис. 1. Железные мечи синдо-меотского типа из всаднических погребений Прикубанского могильника:

1, 2 – 224; 3, 4 – 328; 5, 6 – 427; 7 – 171; 8 – 274; 9 – 352; 10 – 159; 11 – 33;
12 – 39; 13 – 88; 14 – 209; 15 – 336; 16 – 335; 17 – 167; 18 – 236

Fig. 1. Iron swords of the Sindo-Maeotian type from the horsemen's graves of the Prikubansky burial ground:

1, 2 – 224; 3, 4 – 328; 5, 6 – 427; 7 – 171; 8 – 274; 9 – 352; 10 – 159; 11 – 33;
12 – 39; 13 – 88; 14 – 209; 15 – 336; 16 – 335; 17 – 167; 18 – 236

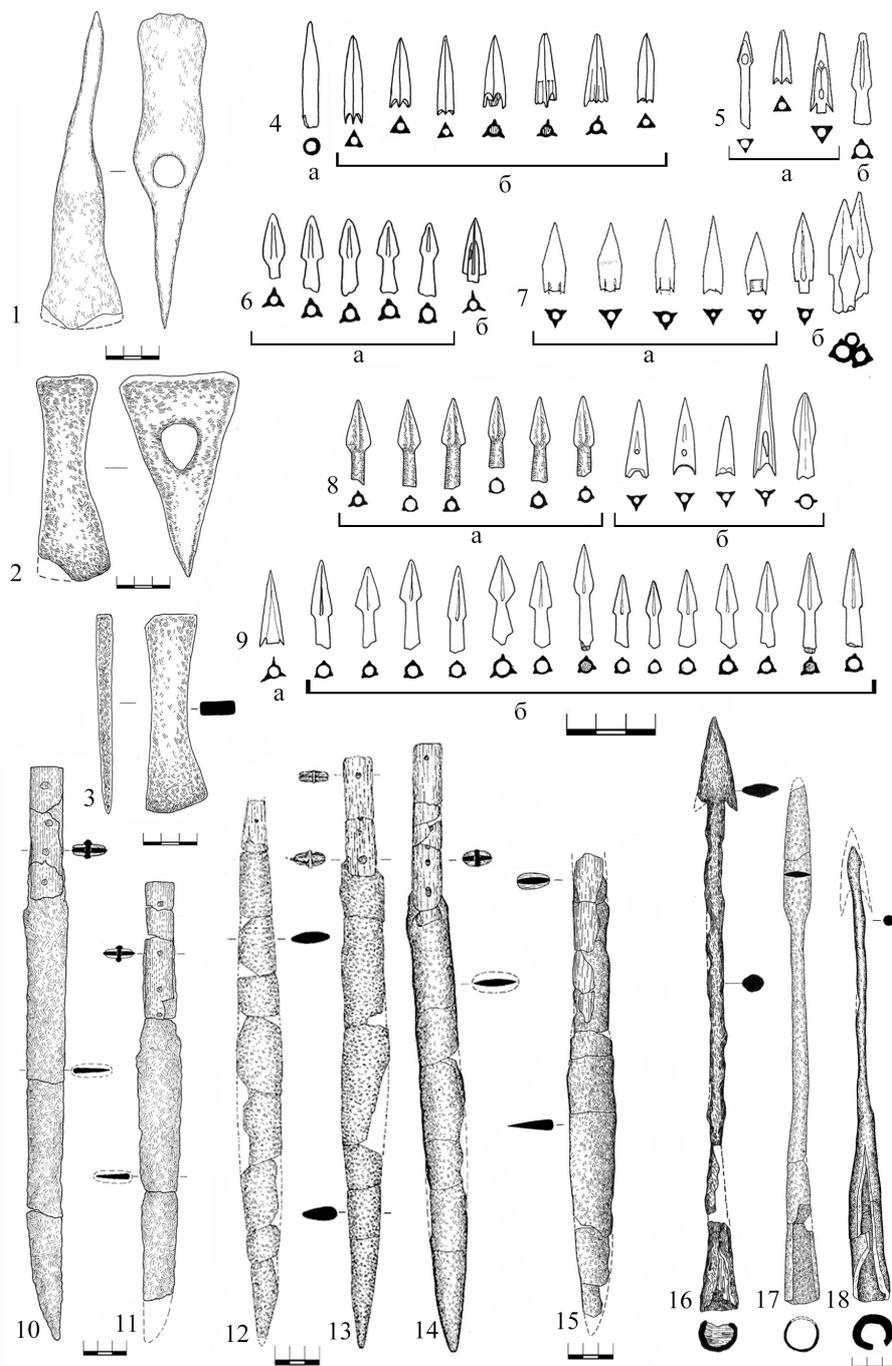

Рис. 2. Виды вооружения из всаднических погребений Прикубанского могильника:
 1–3 – топоры железные (1 – 336; 2, 3 – 209); 4–9 – наконечники стрел (4 – 39: а – кость, б – бронза;
 5 – 78: а – бронза, б – железо; 6 – 88: а – железо, б – бронза; 7 – 224: а – бронза, б – железо;
 8 – 336: а – железо, б – бронза; 9 – 209: а – бронза, б – железо); 10–15 – железные боевые ножи
 с костяными рукоятями (10, 11 – 39; 12–14 – 224; 15 – 236); 16–18 – железные наконечники дротиков
 (16 – 129; 17 – 427; 18 – 195)

Fig. 2. Types of weapons from the horsemen's graves of the Prikubansky burial ground:
 1–3 – iron axes (1 – 336; 2, 3 – 209); 4–9 – arrowheads (4 – 39: а – bone, б – bronze;
 5 – 78: а – bronze, б – iron; 6 – 88: а – iron, б – bronze; 7 – 224: а – bronze, б – iron;
 8 – 336: а – iron, б – bronze; 9 – 209: а – bronze, б – iron); 10–15 – iron combat knives
 with bone handles (10, 11 – 39; 12–14 – 224; 15 – 236); 16–18 – iron dart tips
 (16 – 129; 17 – 427; 18 – 195)

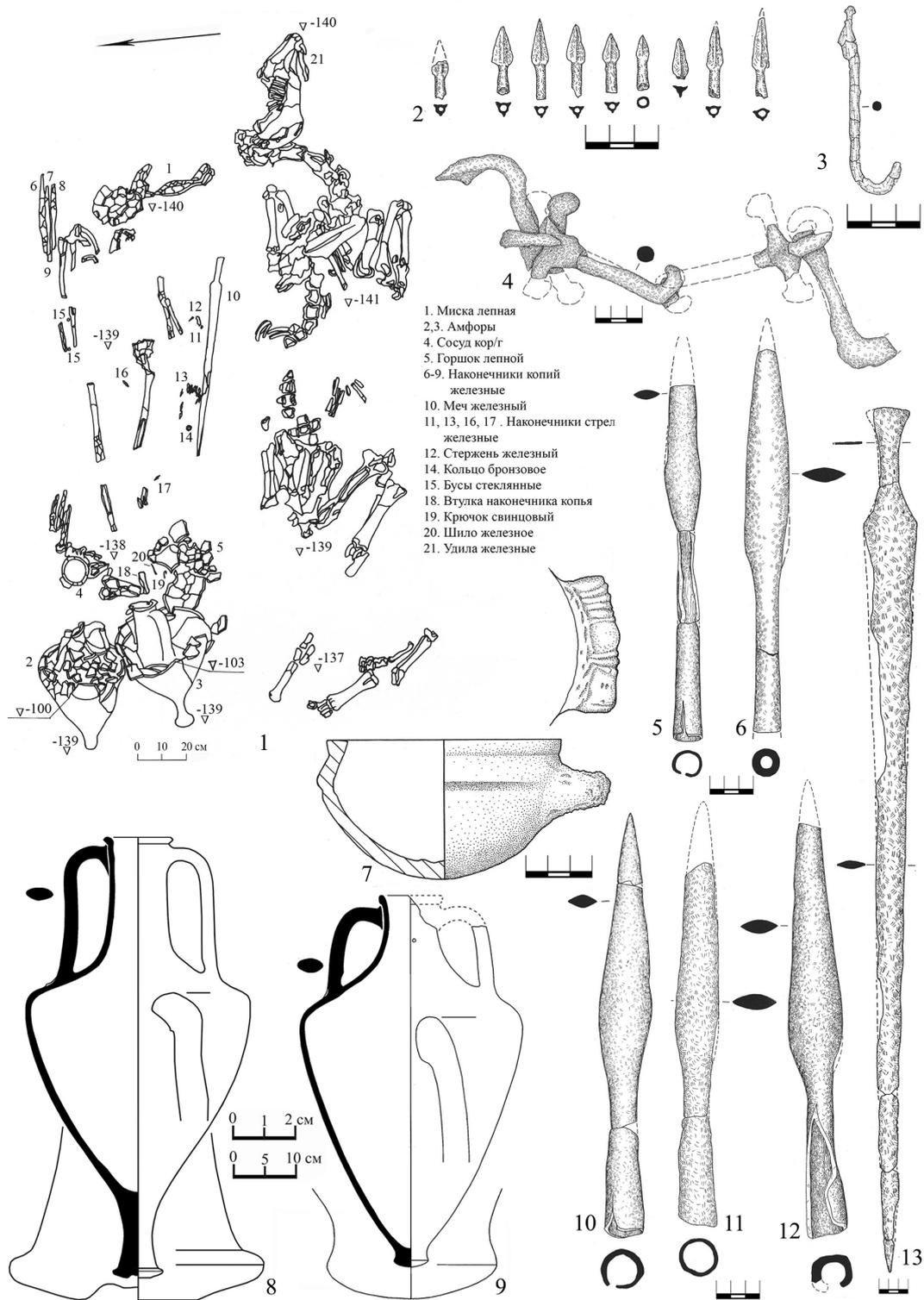

Рис. 3. Прикубанский могильник, погребение 274:

1 – план погребения (на плане: 1–21 – погребальный инвентарь); 2 – наконечники стрел;
3 – крючок свинцовый; 4 – удила с псалиями; 5, 6, 10–12 – наконечники копий; 7 – ковш красноглиняный;
8, 9 – амфоры; 13 – меч (2, 4–6, 10–13 – железо)

Fig. 3. Prikubansky burial ground, grave 274:

1 – grave plan (on the plan: 1–21 – grave items); 2 – arrowheads; 3 – lead hook; 4 – bits with check-pieces;
5, 6, 10–12 – spearheads; 7 – red-clay dipper; 8, 9 – amphorae; 13 – sword (2, 4–6, 10–13 – iron)

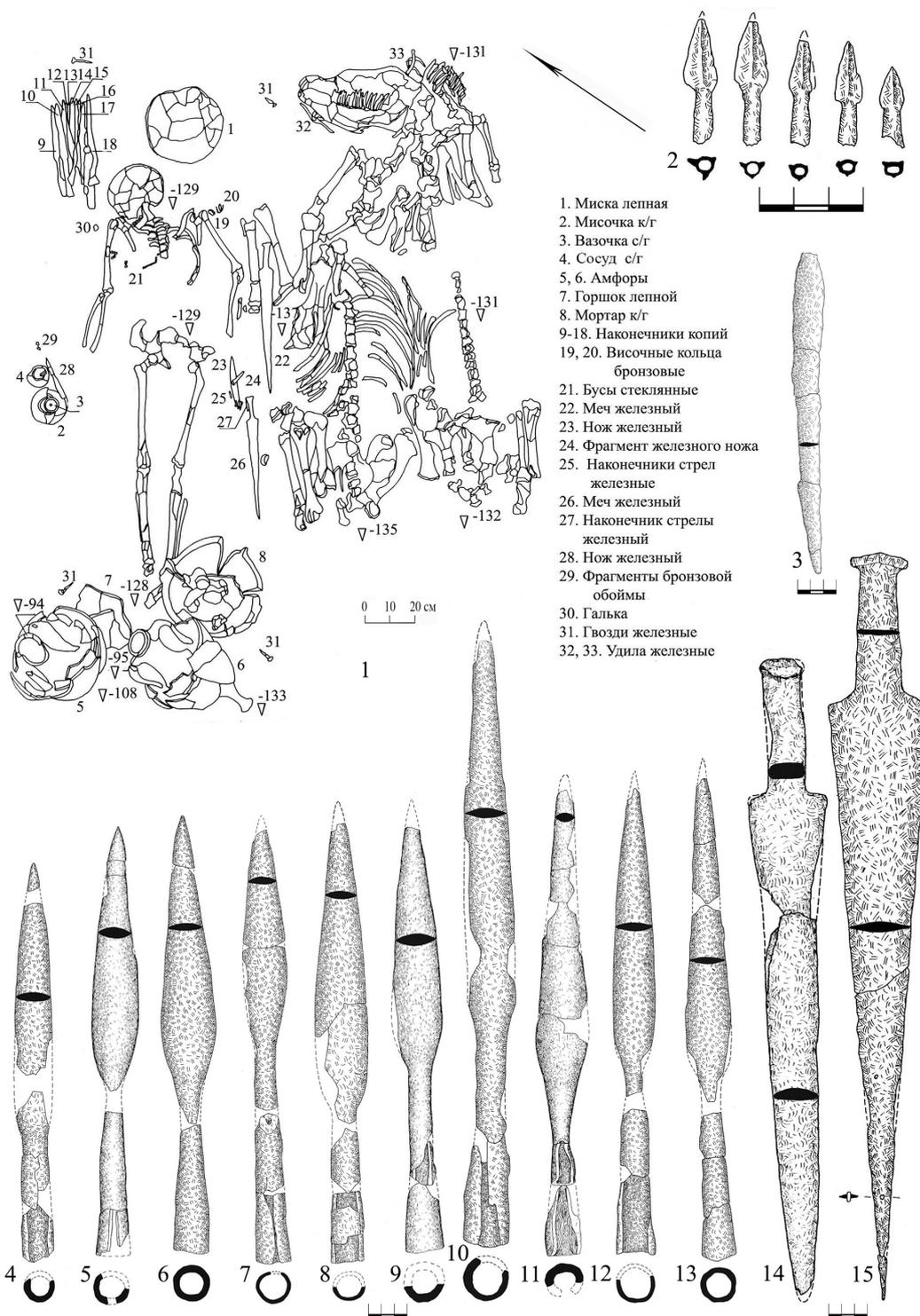

Рис. 4. Прикубанский могильник, погребение 405:

1 – план погребения (на плане: 1–33 – погребальный инвентарь); 2 – наконечники стрел; 3 – нож; 4–13 – наконечники копий; 14, 15 – мечи (2–15 – железо)

Fig. 4. Prikubansky burial ground, grave 405:

1 – grave plan (on the plan: 1–33 – grave items); 2 – arrowheads; 3 – knife; 4–13 – spearheads; 14, 15 – swords (2–15 – iron)

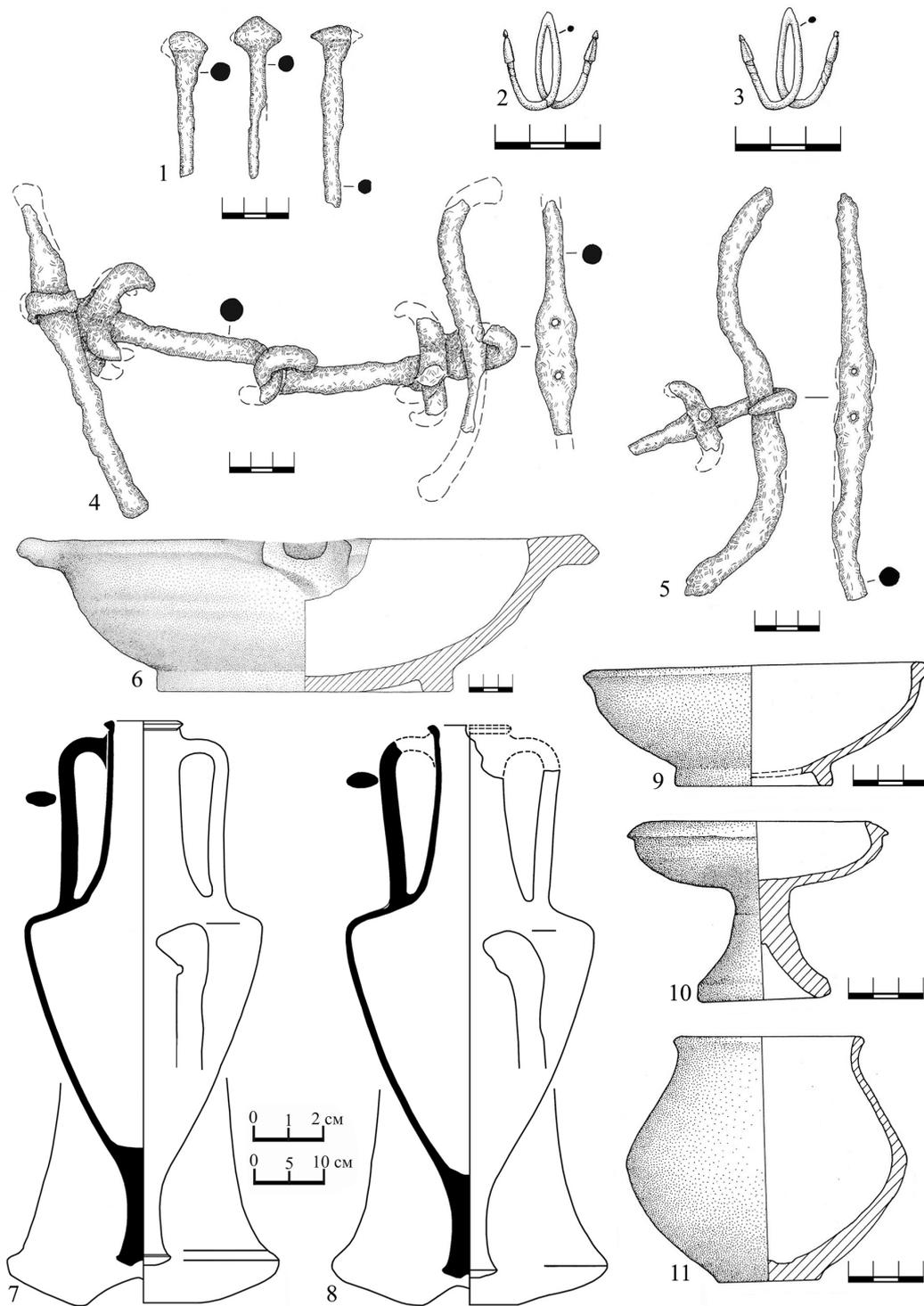

Рис. 5. Прикубанский могильник, погребение 405:

1 – гвозди; 2, 3 – височные кольца (бронза); 4, 5 – удила и псалии (1, 4, 5 – железо); 6 – mortar красноглиняный; 7, 8 – амфоры; 9 – миска красноглиняная; 10, 11 – сосуды сероглиняные

Fig. 5. Prikubansky burial ground, grave 405:

1 – nails; 2, 3 – ear rings (bronze); 4, 5 – bits with check-pieces (1, 4, 5 – iron); 6 – red-clay mortar; 7, 8 – amphorae; 9 – red-clay bowl; 10, 11 – grey-clay vessels

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов Н. В., 1972. Отчет за 1972 год о раскопках Пашковского шестого могильника // Архив ИА РАН. Р-1. № 6219, 6219в.
- Галанина Л. К., 1980. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н.э. Л. : Искусство. 127 с.
- Каменецкий И. С., 2011. История изучения меотов. М. : ТАУС. 384 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2006. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. Краснодар : КубГУ. С. 152–181.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2007. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 7. Краснодар : КубГУ. С. 70–150.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2010. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника (атрибуция и хронология) // Древности Боспора. Т. 14. М. : ИА РАН. С. 322–356.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2012. Меотские дротики // Золото, конь и человек : сб. ст. к 60-летию А.В. Симоненко. Киев : Скиф. С. 411–415.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2016. Меотские всадники на восточной границе Боспора // Элита Боспора и боспорская элитарная культура : материалы Междунар. круглого стола, 22–24 нояб. 2016 г. СПб. : ПАЛАЦЦО. С. 245–250.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2018а. Хронология погребений с конской упряжью в зверином стиле из Прикубанского могильника // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23, № 3. С. 99–113. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.9>
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2018б. Меотские мечи из Прикубанского могильника // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира : материалы Междунар. науч. конф. Ч. 2. СПб. : СПбГУ. С. 253–257.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2018в. Боевые ножи меотов // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» : материалы Междунар. науч. конф., Карачаевск, 22–29 апр. 2018 г. Карачаевск : Карачаево-Черкес. гос. ун-т им. У.Д. Алиева. С. 221–223.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2021. Погребения меотских всадников в сопровождении собак из Прикубанского могильника // *Stratum plus*. № 3. С. 131–150.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Кондратенко А. В., 2020. Погребения меотских всадников с боевыми топорами из Прикубанского могильника // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 152–167.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар : КубГУ. 358 с.
- Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1-4. М. : Наука. 91 с., 23 табл.
- Мелюкова А. И., 1979. Скифия и фракийский мир. М. : Наука. 256 с.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Саратов : Волга. 324 с.
- Нефедкин А. К., 2004. К вопросу об интерпретации изображения воина на одной стеле из Керчи // Боспорский феномен : проблемы хронологии и датировки памятников : материалы Междунар. науч. конф. Ч. 1. СПб. : Гос. Эрмитаж. С. 225–231.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА. № 101. М. : АН СССР. 172 с.
- Смирнов К. Ф., 1980. О мечях синдо-меотского типа // Краткие сообщения института археологии. Вып. 162. С. 38–45.
- Улитин В. В., 2004. Амфоры Пашковского могильника № 6 // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. Краснодар : КубГУ. С. 146–185.
- Эрлих В. Р., 1991. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М. : Б. и. С. 77–99.
- Эрлих В. Р., 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища II. IV в. до н.э. М. : Наука. 212 с.

REFERENCES

- Anfimov N.V., 1972. Otchyot za 1972 god o raskopkakh Pashkovskogo shestogo mogil'nika [Report on the Excavations of the Pashkovsky Sixth Burial Ground for 1972]. *Arkhir IA RAN*, R-1, no. 6219, 6219B.
- Galanina L.K., 1980. *Kurdzhipskiy kurgan. Pamyatnik kul'tury prikubanskikh plemyon IV veka do n.e.* [Kurdjip Kurgan. Cultural Monument of the Kuban Tribes of the 4th Century BC]. Leningrad, Iskusstvo Publ. 127 p.
- Kamenetsky I.S., 2011. *Istoriya izucheniya Meotov* [The History of Maeotians Studies]. Moscow, TAUS Publ. 384 p.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2006. Tipologiya i hronologiya meotskih zheleznyh nakonechnikov kopiy iz pamyatnikov pravoberezh'ya Kubani [Typology and Chronology of Maeotian Iron Spearheads from Monuments of the Right Bank of the Kuban]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 6. Krasnodar, KubSU, pp. 152-181.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2007. Raskopki mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 v 2006 g. [The Excavations of Burial Ground of Starokorsunskaya Settlement 2 in 2006]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 7. Krasnodar, KubSU, pp. 70-150.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2010. Raspisnye i chernolakovye sosudy iz Prikubanskogo mogil'nika (atributsiya i khronologiya) [Painted and Black-Glazed Vessels from the Prikubansky Burial Ground (Attribution and Chronology)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus], vol. 14. Moscow, IA RAS, pp. 322-356.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2012. Meotskie drotiki [The Maeotian Darts]. *Zoloto, kon'i chelovek: sb. st. k 60-letiyu A.V. Simonenko* [Gold, Horse and Man. Collection of Articles for the 60th Anniversary of A.V. Simonenko]. Kiev, Skif Publ., pp. 411-415.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2016. Meotskie vsadniki na vostochnoy granitse Bospora [Maeotian Horsemen on the Eastern Border of the Bosphorus]. *Elita Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura: materialy Mezhdunar. kruglogo stola, 22–24 noyab. 2016 g.* [Bosporan Elite and its Culture. Proceedings of the International Round Table. November 22-24, 2016]. Saint Petersburg, PALACCO Publ., pp. 245-250.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2018a. Hronologiya pogrebeniy s konskoy upryazh'yu v zverinom stile iz Prikubanskogo mogil'nika [Chronology of the Burials with Animal-Style Horse Harness from the Prikubansky Burial Ground]. *Vestnik VolGU. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnisheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations.], vol. 23, no. 3, pp. 99-113. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.9>
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2018b. Meotskie mechi iz Prikubanskogo mogil'nika [The Maeotian Swords from the Prikubansky Burial Ground]. *Bosporskiy fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [The Bosporan Phenomenon. General and Peculiar Features of Historical and Cultural Space in the World of Classical Antiquity. Proceedings of the International Conference], pt. 2. Saint Petersburg, SPbSU, pp. 253-257.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2018v. Boevye nozhi meotov [The Combat Knives of the Maeotians]. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskie chteniya»: materialy Mezhdunar. nauch. konf., Karachaevsk, 22–29 apr. 2018 g.* [Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in Atiquity and the Middle Ages. XXX “Krupnov Readings”. Proceedings of the International Scientific Conference, Karachaevsk, April 22–29, 2018]. Karachaevsk, Karachaevo-Cherkes. gos. un-t im. U.D. Alieva, pp. 221-223.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2021. Pogrebeniya meotskikh vsadnikov v soprovozhdenii sobak iz Prikubanskogo mogil'nika [The Graves of Maeotian Horsemen with Dogs from the Prikubansky Burial Ground]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 131-150.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., Kondratenko A.V., 2020. Pogrebeniya meotskikh vsadnikov s boevymi toporami iz Prikubanskogo mogil'nika [The Graves of Maeotian Horsemen with Battle Axes from the Prikubansky Burial Ground]. *Arkheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage], no. 1 (3), pp. 152-167.
- Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani (Po materialam kurgannykh pogrebenij Nizhnej Kubani)* [Siraci of the Kuban (On the Materials of Burial Mounds of the Lower Kuban)]. Krasnodar, KubSU. 358 p.
- Melyukova A.I., 1964. *Vooruzhenie skifov* [The Armament of the Scythians]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-4. Moscow, Nauka Publ. 91 p., 23 tabl.
- Melyukova A.I., 1979. *Skifiya i frakiyskiy mir* [Scythia and the Thracian World]. Moscow, Nauka Publ. 256 p.

- Monakhov S. Yu., Marchenko I.I., Limberis N. Yu., Kuznetsova E. V., Churekova N.B., 2021. *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV – nachala III v. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika im. E.D. Felitsyna* [Amphorae of the Prikubansky Necropolis of the 4th – early 3rd century BC (from the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn)]. Saratov, Volga Publ. 324 p.
- Nefyodkin A.K., 2004. K voprosu ob interpretatsii izobrazheniya voina na odnoy stele iz Kerchi [About the Interpretation of the Image of a Warrior on One Stele from Kerch]. *Bosporskiy fenomen: problemy hronologii i datirovki pamyatnikov: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [The Phenomenon of Bosporan Kingdom: Problems of Chronology and Dating. Proceedings of the International Conference], pt. 1. Saint Petersburg, State Hermitage, pp. 225-231.
- Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [The Armament of the Savromats]. *Materialy i issledovaniya po Arkheologii SSSR*, no. 101. 172 p.
- Smirnov K.F., 1980. O mechakh sindo-meotskogo tipa [On Swords of the Sindo-Maeotian Type]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 162, pp. 38-45.
- Ulitin V.V., 2004. Amfory Pashkovskogo mogil'nika № 6 [Amphorae of the Pashkovsky Burial Ground No. 6]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 4. Krasnodar, KubSU, pp. 146-185.
- Ehrlich V.R., 1991. Meotskie mechi iz Zakuban'ya [Maeotian Swords from Trans-Kuban]. *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ya* [Antiquities of the North Caucasus and of the Black Sea Region]. Moscow, s. n., pp. 77-99.
- Ehrlich V.R., 2011. *Sviatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodischa II. IV v. do n.e.* [The Shrines in the Necropolis of the 2nd Tenginskaya Settlement 4th Century BC]. Moscow, Nauka Publ. 212 p.

Information About the Authors

Natalya Yu. Limberis, Senior Researcher, Scientific Research Institute of Archaeology, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Ivan I. Marchenko, Candidate of Sciences (History), Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

Информация об авторах

Наталья Юрьевна Лимберис, старший научный сотрудник НИИ археологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Иван Иванович Марченко, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>